
А.И. Любжин

Статья поступила
в редакцию
в сентябре 2008 г.

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ

Посильная попытка портрета

Рассуждая о тенденциях современного школьного образования, было бы очень полезно знать, каковы в действительности его результаты, что — в интеллектуальном и нравственном смысле — представляет собой современная молодежь. А добиться достоверности очень и очень непросто: кругозор каждого из нас ограничен, мы видим лишь один-два фрагмента громадной мозаики, и нет никаких доказательств, что общая картина такова же, как и непосредственно данная нам в наблюдении реальность. Исходя из отвлеченных соображений, сегодня мы должны столкнуться с картиной исключительно пестрой (хотя и сама эта пестрота будет казаться нам преувеличенной на фоне прежнего — тоже обманчивого — однообразия) — и это все, что можно воспринимать как надежный факт. Но как раз он и налагает на нас повышенную ответственность: вероятность того, что каждый конкретный фрагмент отражает общие тенденции, сравнительно невелика. Если бы мне было позволено экстраполировать таким образом личный педагогический опыт, пришлось бы заключить, что уровень образования существенно вырос: одна из лучших гимназий Москвы доверяет мне прекрасных учеников для написания исследовательских работ на гуманитарные темы, и среди этих юношей и девушек уже не раз встречались те, кому можно смело предсказать большое научное будущее.

Тут поправка напрашивается сама собой, и вывод приходится делать более скромный: во-первых, у нас есть талантливая молодежь, и ее не так мало, во-вторых, у нее появились серьезные образовательные возможности, которых раньше не было. Примерно такую же картину я вижу и в моральном отношении: компьютер и прочие соблазны современной цивилизации не развратили тех мальчиков и девочек, с которыми приходится общаться мне, — это касается отношения и к деньгам, и к сексу, и к общению со старшими. Наоборот: тип, который я склонен считать русским национальным достоянием, — глубина содержания при большой застенчивости и плохой способности свое содержание выразить и донести до окружающих — встречается нередко, иногда в очень ярких формах. Понятно, что и здесь мои наблюдения придется корректировать — уже исходя из отвлеченных соображений: если количество соблазнов неимоверно возросло, должны же были найтись

люди, которые им поддались! Впрочем, заметим на полях, этих людей довольно во всех поколениях.

Самое яркое расхождение между теми школьниками и студентами, с которыми мне приходится общаться, и тем, что я знаю, например, о молодежи второй половины XIX в., — широко распространенное у нынешних отсутствие общественного темперамента, желание жить своей жизнью и строить свою жизнь, не претендуя на то, чтобы навязывать свою волю обществу (или, если угодно, усовершенствовать общество), социальный конформизм и индивидуализм. Но, учитывая наш печальный исторический опыт, я в этом вижу исключительно достоинство, да и безо всякого исторического опыта религия, научное творчество, поэзия, любовь, да и просто жизнь ради жизни представляются мне гораздо более привлекательными, нежели общественное служение.

Потому необходимо найти точку зрения, которая давала бы — пусть несовершенный и ограниченный — доступ к картине во всей ее полноте. А этих точек зрения и теоретически не так много. Кто может объективно оценивать результаты нашей школы? Ее самооценке мы имеем все основания не доверять. Принимающие вступительные экзамены могут видеть картину по своим предметам (у них есть некоторые основания считать ее достоверной, поскольку предметы для сдачи выбирают сами абитуриенты и можно анализировать ту сферу преподавания, которая регулируется сознательным интересом). Но в абитуриенте трудно распознать, что — от школы, а что — от репетитора, да и то, что спрашивается, далеко (вузовские преподаватели постарались) от изучаемого в школе. Есть еще один нюанс, который мешает видеть как раз достижения последнего времени, не входящие в общую программу: спрашивать о них нельзя, проявить их абитуриенту нигде. Так что картина, которую видят вузы, может быть принята только после тщательного анализа и с большими поправками. Конечно, когда введут ЕГЭ, у нас исчезнет последняя возможность хоть как-то судить о том, что происходит в школе (другой вопрос: нужна она нам или нет? — тоже не праздный).

Последние три года мне довелось участвовать в качестве эксперта в конкурсах школьной прессы, которые проводит журнал «Лицейское и гимназическое образование» (соответственно в 5-м, 6-м и 7-м классах). Экспертной группе конкурса было вменено в обязанность просматривать и выборочно читать громадный объем материала: газеты, журналы, альманахи, сборники исследовательских и творческих работ, издаваемые в учебных заведениях и воспитательных центрах всей России — от Петропавловска до Калининграда и от Якутии до Краснодара. Сам по себе это материал обширный и пестрый. Насколько он позволяет судить о современной молодежи — вопрос, который нуждается в обсуждении и на который ниже я дам посильный ответ. Но очевидно уже во всяком случае то, что через одни руки такой объемный и разнородный материал проходит нечасто. Это дает мне основание предпола-

гать, что мои наблюдения будут небезынтересны и с объективной точки зрения.

У экспертизы есть свои особенности. Пытаясь сравнивать издания и выстроить для оценки их относительных достоинств достоверную шкалу, приходится, с одной стороны, принимать во внимание множество формальных моментов, с другой — абстрагироваться от всего яркого и индивидуального, что относится к личности автора больше, чем к изданию как таковому. Поэтому вся конкурсная аналитика страдает объяснимой и простительной однобокостью: предмет анализа — литературно-педагогическая концепция издания, а вовсе не современная молодежь как таковая и не ее особенности. Затруднительность задачи в рамках конкурсной текички сделать общественным достоянием ценность наших находок и наблюдений заставила руководителя экспертной группы Валентина Эрастовича Белецкого предложить коллегам составить антологию (не только поэтическую), которая бы отразила лучшее из того, что попало на страницы школьных изданий. Первая часть нашего труда уже вышла (Покуда я пребуду в этом мире... Антология школьной лирики. Часть I / сост. В. Белецкий, А. Любжин. М., 2008); вторая появится весной следующего года. Мой портрет молодого поколения будет основан прежде всего на материалах этого издания. Поскольку моя цель — портрет коллективный, я не буду указывать имен авторов (это либо старшеклассники, либо студенты; издания представлены от последних лет XX в. до нынешнего дня, т.е. самым старшим сейчас может быть около тридцати) — только пол и географический пункт.

Вернемся к уже заданному вопросу. Насколько такой портрет может быть достоверным? Сначала, понятное дело, речь пойдет об ограничениях.

Во-первых, не все школы имеют периодические издания, и, если имеют, далеко не все попало в наши ласковые руки. Но, собственно, если бы не это обстоятельство, не могло бы быть ни конкурса, ни издания, о котором шла речь, а было бы только несколько бумажных монументов над телами экспертов. Важно понять, чем школа — участница нашего конкурса отличается от школы, в нем не участвующей. В рамках конкурса как-то проводилась проверка «вручную» гипотезы о том, что больше половины школ имеют свои издания; гипотеза не подтвердилась. И здесь можно сделать лишь один робкий предварительный вывод: школы с именем, как правило, имеют свои издания, редко берущие главные призы, но, как правило, весьма высокого уровня (например, моя любимая 610-я петербургская гимназия издает альманах «Абарис», который в силу ряда забавных причин на конкурс не попал); но вообще это дело складывается там, где найдется соответствующий человек, который смог бы взвалить его себе на плечи. Таким образом, у нас есть два элемента: элемент качества и элемент случайности. Следовательно, общая картина будет выглядеть благоприятнее, чем она есть на самом деле, но поправку при желании

можно оценить. По программам школы с именем далеко не всегда отличаются от обычных, и в общем и целом эти отличия следует признать незначительными; но вот как раз уровень учащихся может различаться очень сильно, и потому коэффициент поправки нужно держать в голове.

Второе: кто именно будет писать в школьном издании? Здесь мы можем ожидать односторонности: перед нами предстанет молодежь с литературными талантами и амбициями — лирики, а о математиках-физиках-химиках мы узнаем из официальной хроники и списков победителей олимпиад. Так оно обычно и бывает, хотя есть и блистательные исключения (отмечу — вопреки собственным правилам и обязательствам — барнаульский математический лицей «Грани» с журналом «Гранки», где во главу угла ставится жизненная достоверность переживания и описания, а в основу воспитания, в том числе литературного, — жесткий диалог поколений)¹. Конечно, «глубокие и молчаливые» останутся недоступны нашему наблюдению — у преподавателей и руководителей дойдут до них руки в последнюю очередь². Естественно, те, что не пишут стихи или прозу, а пьют пиво в подворотнях, тоже если и попадут на страницы школьных изданий, то как объект изображения, а не как авторы. Можно ли считать их достоянием одной только нашей эпохи — даже с учетом того, что пиво сегодня доступнее, чем двадцать лет тому назад? Полагаем, что в общем и целом эти искажения вряд ли так сильно видоизменяют общую картину — в особенности там, где она затрагивает интересы и жизнь молодежи. Мой портрет молодого поколения получится немного более оптимистическим, чем ему надлежало бы быть, это правда; он будет охватывать лишь меньшую часть юношества, оставляя в стороне фанатов подворотен и компьютерных игр, — и это тоже правда. Но не так ли мы судим и о пушкинском поколении — молчаливо устраняя большинство, интересовавшееся (говорим о высших сословиях) вином, картами и травлей зайцев?

Позволю себе несколько предварительных стилистических замечаний. Самых разнородных явлений в области словесности, доступных молодежи, сейчас очень много — можно выбирать любую традицию. Однако (за исключением относительно многочисленных экспериментов в «японском» стиле) безраздельное господство принадлежит классической, «пушкинской» (хотя и расшатанной современной вольностью) форме русского стиха. Отступления от нее выглядят скорее как недостаток умения, чем как дерзновенный прорыв. «Пушкинская» форма тяготеет к простоте и прозрачности — именно в этой тяге Г.П. Федотов усматривал основное эстетическое достоинство русского народа, считая его призванным к классическому творчеству.

Важной особенностью этой формы является и отсутствие в сколько-нибудь значительных количествах (несмотря на все дав-

¹ Это не значит, разумеется, что все барнаульские цитаты — из данного журнала.

² Девочки в школьных изданиях несколько активнее, чем мальчики.

ление современных эстетических достижений) грубого и неприличного: в быту молодежь, безусловно, всем этим не гнушается, но чувство иерархии в словесной области у нее живо. Учитывая, что мы живем в мире не Тургеневых и Баратынских, а Сорокиных и Кибировых, сами по себе эти формальные ориентиры — уже признак душевного здоровья. Вот что пишет, например, двадцатилетний юноша из Омска:

Жизнь можно писать стихами, а можно матерным словом,
Причем во втором варианте лучше на белой стене.
Так будет гораздо проще казаться вполне здоровым
Членом здорового общества, где проза жизни в цене.

И еще одно. Текст не лжет, а молодым, которые берутся за перо, лгать трудно вдвойне. Потому сколько-нибудь опытному читателю достаточно легко различить, где они пишут по велению души, а где — по заказу. Они послушны и обучаемы (об этом превосходно писала на страницах «Русского журнала» Шапиро), они действительно думают, что переживают все, что им предписывают пережить старшие; но написанные ими тексты доказывают, что это не так. Естественно, в 2005 г. была в школьной прессе волна публикаций, связанных с победным юбилеем; стихи и проза военной тематики встречались (хотя значительно реже) и до, и после этой даты. Тем не менее среди всего множества чрезвычайно трудно найти не только достойные, но и просто сносные тексты; почти все, кто брался за эту тему, с усилием, натужно выдавливали из себя «высокий стиль», забывая не только те навыки, которыми вроде бы овладели, но и элементарные значения слов. Вполне формально отнеслась молодежь и к поступившему от старшего поколения требованию собрать воспоминания ветеранов войны и труда — то, что из этого получилось (за редчайшими исключениями), очень мало дает для изучения военной мифологии и совсем ничего — для познания самой войны. Это — на заметку тем, кто хотел бы «собрать» русское национальное единство на Второй мировой. Делать это уже поздно: из сферы непосредственного эмоционального опыта она выпала (два поколения — крайний срок), а преимущество экзотики и красоты на стороне более давних событий. При этом упрекнуть молодежь в равнодушии к нашему прошлому нельзя — это мы тоже надеемся показать. И забегая вперед, патриотизм их — не только искусственный, напыщенно-трескучий (такой тоже есть, хотя в антологию он, понятное дело, попасть не мог), но и тихий, целомудренный, сердечный. Как у этой девушки из города Новобурейска Амурской области, о существовании которого я, вероятно, без этого конкурса и не знал бы:

Чем старше становлюсь,
Тем ближе и родней
Рябиновая Русь
И облака над ней,
Прощальный звон шмеля,

Последний лист ольхи,
Усталые поля,
Негромкие стихи.

И тот святой покой
Погоста, что пророс
Над малою рекой
Средь сосен и берез.

Там заросли пусты,
И, выстроившись в ряд,
Там звезды и кресты
Ушедших сон хранят.

И — слезы на глазах,
И сквозь их пелену
Я вижу всю в слезах
Родную сторону...

Вернемся назад, к нашим общим проблемам, — надеюсь, уже в последний раз. Главным преступлением молодежи, замеченным нами, является плагиат (переписывание в свою пользу стихов от Ф. Тютчева до В. Тушновой). Мой коллега справедливо усматривает и в этом свою положительную сторону: «Крадут обычно то, что представляет ценность; дети хотят себя видеть поэтами, высказываться как они, то есть это по-прежнему в цене у наших младших сограждан» (Белецкий В.Э. Прививка от иронии // Покуда я пребуду в этом мире... Антология школьной лирики. Ч. I. С. 9). Тем не менее хлопот это стоило многим: все тексты, где формальные навыки не соответствовали возрасту, мы проверяли доступными способами; полной гарантии это, конечно же, не дает, но основной массив украденного, надеюсь, был отсечен.

После этого растянувшегося предисловия можно приступать и к обзору, который сведется к подборке комментированных цитат. Основной массив и удачного, и неудачного — вечная тема. Ее эмоциональный диапазон предельно широк — от предвкушения счастья или предельного счастья, например такого, как у этой девушки из Скопина Рязанской области:

* * *

Когда всем сердцем веришь в чудо,
Когда его всей жизнью ждешь —
Оно придет. Придет оттуда,
Откуда ты в тот день придешь.

Не важен год и день недели,
Не важно, сколько нужно ждать,
Чтоб сквозь туманы и метели
Тебя однажды угадать.

Все звуки мира станут тише:
Ему не нужно будет слов.
Настанет день, и я услышу
Далекий звук твоих шагов.

Или как у этого петербургского юноши:

* * *

Ноябрь. Осень. День ненастный.
Теснятся в небе облака.
Тебе шестнадцать, ты прекрасна,
Так утонченна и легка.

Кружатся листья и способны
Своим кружением увлечь.
Твоя походка бесподобна,
Движенья чудны чутких плеч.

Во мгле туманной за оконцем
Весь свет дневной совсем зачах.
Твой взгляд сияет словно Солнце,
И я стою в его лучах.

...До разрыва, которым парень из Барнаула отстаивает свою свободу:

Не жди меня, я не вернусь,
Тебя люблю, но гордость выше.
В другое море окунись,
Другую музыку услышу.

Ты думала, я раб навек,
Снесу все муки, оскорбленья.
Но я не раб, я — человек,
И я свободен от рожденья.

Но широкий эмоциональный диапазон вовсе не влечет за собой широты диапазона стилистического или — если так можно выразиться — жизненного: и в стихах, и в отраженной в них жизни господствует «высокий стиль». И если наблюдатели считают это поколение более развращенным, чем другие, то нужно напомнить, что есть основания и для совершенно противоположной точки зрения: оно часто сохраняет чистоту и целомудрие чувств среди более сильных соблазнов, которых не выдерживали опьяненные даром доставшейся уже в зрелом возрасте свободой отцы.